

В. А. Кошелев

*(Новгород Великий, Россия)***О ВРЕМЕНИ РАБОТЫ ПУШКИНА НАД «ТАВРИДОЙ»**

При жизни Пушкин не попытался завершить и приспособить для печати этой поэмы, замысленной «по следам» его крымских впечатлений 1820 г. Поэтому источники современной публикации текста — исключительно архивные, сохранившиеся в рабочих тетрадях поэта. Это — черновой автограф фрагментов из поэмы в так называемой Второй кишиневской тетради (ПД 832, л. 12—16 об.) и перебеленный автограф начала поэмы, открывающий Первую масонскую тетрадь (ПД 834, л. 1). Он как будто предстает самостоятельным текстом и носит заглавие «Отрывок».

Как водится, после смерти поэта первоначально был опубликован именно беловой «Отрывок»: он попал в посмертное издание сочинений Пушкина, в его девятый том, вышедший из печати в 1841 г. В 1880-е гг. — в изданиях под редакцией П. А. Ефремова и П. О. Морозова — стали появляться и фрагменты черновика.

Сам же черновик из Второй кишиневской тетради был впервые описан и опубликован В. Е. Якушкиным¹. Однако все сохранившиеся фрагменты поэмы — «Ты сердцу непонятный мрак...», «За нею по наклону гор...», «Покойны чувства, ясен ум...», «Пирь, любовницы друзья...», «Счастливый край, где блещут воды...» — печатались в XIX в. как самостоятельные произведения, не связанные общим замыслом.

Т. Г. Цявловская, готовившая соответствующие отрывки для Большого академического издания, предприняла робкую попытку соединить некоторые из них. Три фрагмента, ранее печатавшиеся отдельно («Ты вновь со мною, наслажденье...», «Счастливый край, где блещут воды...» и «За нею по наклону гор...»), оказались представлены как части «Тавриды» (II, 256—257, 758—563). Начало («Ты сердцу непонятный мрак...») встало среди черновиков стихотворения «Люблю ваш сумрак неизвестный...», — само это стихотворение, написанное в 1825 г., из-за этого было неправомерно датировано апрелем 1822 г. (II, 749—757). А отрывок «Один, один остался я...» оказался самостоятельным стихотворением (II, 259, 763—766).

Б. В. Томашевский, предпринявший в те же годы попытку реконструировать пушкинский замысел, обоснованно заметил: «Подобный способ подачи текста вызывает ряд недоумений. Неясно, почему, написав название произведения на 12-м листе тетради², Пушкин следующие пять страниц заполняет совершенно посторонними текстами, а затем лишь обращается к своему замыслу и занимает им две следующие страницы»³. Далее ученый представил убедительную реконструкцию художественной соотнесенности фрагментов, показал, что пушкинский замысел должен был начинаться с отрывка «Ты сердцу непонятный мрак...» (перебеленного в Первой масонской тетради).

Следующие же фрагменты были «выстроены» в порядке следования их в черновом автографе. Эта реконструкция была представлена в Малом академическом издании⁴.

Однако черновой автограф «Тавриды» все еще включает в себе ряд неразрешенных вопросов, не снятых даже и в последнем текстологическом описании Второй кишиневской тетради⁵. Самый первый вопрос возникает уже при обращении к первой странице автографа, на котором написано название общего замысла (ПД 832, л. 12). Это характерный для крупных замыслов Пушкина *титольный лист*, в центре которого читаем:

Таврида

1822

Gieb meine Jugend mir zurück!⁶

Strof 4/croisés, 4 de suite 1.2.1. et deux⁷

После заглавия и даты следует эпитафия, взятый из «Фауста» Гете, а за ним следует не что иное, как «формула» онегинской строфы. Она записана на этой странице, вероятно, позднее, чем заглавие, дата и эпитафия: дана после характерного пушкинского отчеркивания и написана другими (более темными) чернилами. Б. В. Томашевский заметил: «Ценным в этой формуле является то, что в сознании Пушкина она (онегинская строфа. — В. К.) распалась на четыре части: *AbAb + CCdd + EffE + gg*»⁸. Но почему эта формула появилась после заглавия — «Таврида»? Ведь все сохранившиеся отрывки написаны отнюдь не онегинской строфой?

Оборот этого же 12-го листа — еще интереснее. Вверху листа — как будто набросок «программы» будущего произведения:

Страсти мои утихают, тишина цар<ит> в душе моей ненависть, раскаяние — все исчезает — любовь одушевл<ает?>

Тут же и тогда же по верхнему краю листа Пушкин написал цифры: 1811, 1812, 1813, 1814, 1815, 1816, 1817; второй строкой под ними: 1818, 1818, 1819, 1820. Судя по характеру чернил, пометы лет в данном случае заносились одновременно с «программой». Тогда же на левом поле листа колонкой записаны даты: 1821, 1822, 22, 22, 22, 22, 22, 1822, 22, 1822, 1824, 23, 24.

Иными чернилами — то есть в другое время, — Пушкин на том же листе вчерне прорабатывает следующие стихи (приводим только «верхний» слой автографа, не учитывая многочисленные варианты, — см.: II, 761—763):

За нею по наклону гор
Я шел дорогой неизвестной
И примечал мой робкий взор
Следы ноги ее прелестной —
Зачем не смел ее следов
Коснуться жаркими устами
.....

Нет никогда средь бурных дней
 [Мятежной] юности моей
 Я не желал с таким волненьем
 Лобзать уста младых Цирцей
 И перси, полные томленьем

16 avr<il>

Рядом с датой «16 авт.» (16 апреля) в композиционном центре листа стоит дата: 1814. А по правому полю листа, снизу, теми же (темными) чернилами, которыми записан приведенный выше отрывок, следует другая вереница дат: 1822, 1821, 1823, 1824, 1815, 1816, 1817, 1818, 1819, [1830], [31]. Последние две даты, отражающие раздумья Пушкина над возможностью собственного «десятилетнего изгнания», зачеркнуты... Но в чем смысл этого «хронологического вензеля» (так назвала даты на этом листе Я. Л. Левкевич)? И к какому тогда году может относиться помета «16 апреля»?

На следующем листе (13) начинается черновой текст «Тавриды»: «Ты сердцу непонятный мрак...» На следующих двух листах он продолжается — и завершается на л. 15 об. На л. 16 Пушкин перебеливает особенно неразборчивые в черновике стихи, проработанные на предыдущей странице. После последнего стиха («Бледнеет пред лучами дня») в рукописи следует подчеркивание, а за ним, внизу листа, — продолжение плана поэмы «Мстислав» (так и оставшейся в планах). Начало этого плана было записано на л. 8 и 9. Возможно предположить, что Пушкин работал над этими планами в то время, когда листы Второй кишиневской тетради были уже заполнены. Эти планы датируются второй половиной 1822 г. (не ранее конца августа — V, 520). Следовательно, черновые фрагменты «Тавриды» писались *раньше* этого времени.

Но на л. 16 об. видим новую переработку текста отрывка «За нею по наклону гор...», приведенного выше и набросанного на л. 12 об. Вот этот «новый» отрывок (приводим «верхний слой» автографа; угловыми скобками отмечаются слова и фразы, отмеченные в рукописи волнистой линией, означающей повторение соответствующих мест предыдущего наброска):

Ты помнишь море пред грозой
 Как я завидовал волнам
 Бегущим бурной чередой
 К твоим плен<ительным?> ногам
 И как желал бы я с волнами
 Коснуться ног ее устами
 Нет никогда средь <бурных дней>
 Кипящей младости <моей>
 Я не желал <с таким волненьем>
 <Лобзать уста младых Цирцей>
 <И перси полные томленьем>
 Нет никогда

А в этом отрывке легко узнается текст, вошедший в состав «Евгения Онегина»: XXXIII строфа первой главы. В окончательном варианте она читается так:

Я помню море пред грозюю:
 Как я завидовал волнам,
 Бегущим бурной чередою
 С любовью лечь к ее ногам!
 Как я желал тогда с волнами
 Коснуться милых ног устами!
 Нет, никогда средь пылких дней
 Кипящей младости моей
 Я не желал с таким мученьем
 Лобзать уста младых Армид,
 Иль розы пламенных ланит,
 Иль перси, полные томленьем;
 Нет, никогда порыв страстей
 Так не терзал души моей!

(VI, 19)

В черновой рукописи первой главы (писавшейся в мае—октябре 1823 г.) этой строфы нет. Она появляется тогда, когда Пушкин уже работает над третьей главой романа в стихах — после строфы XXIX, непосредственно перед «Письмом Татьяны к Онегину». Вероятно, она первоначально и предполагалась для включения в третью главу. Во Второй масонской тетради (ПД 835, л. 4) она записана почти без поправок, — то есть у автора перед глазами явно был приведенный выше черновой текст из тетради ПД 832. Датируется этот факт маем—июнем 1824 г. — и то обстоятельство, что около этого времени Пушкин «взял» из ранней поэмы какой-то «кусочек» для «Онегина», должно свидетельствовать, что к середине 1824 г. «Таврида» была для поэта чем-то «давнопрошедшим» и к этому он уже не собирался возвращаться всерьез.

История этой строфы, между прочим, дезавуирует известное указание в «Записках» М. Н. Волконской на то, что строфа посвящена какому-то конкретному эпизоду совместного путешествия Пушкина и Раевских в Крым: «Завидев море, мы приказали остановиться, вышли из кареты и всей гурьбой бросились любоваться морем. Оно было покрыто волнами, и, не подозревая, что поэт шел за нами, я стала забавляться тем, что бегала за волной, а когда она настигала меня, я убежала от нее; кончилось тем, что я промочила ноги. Понятно, я никому ничего об этом не сказала и вернулась в карету. Пушкин нашел, что эта картинка была очень грациозна, и, поэтизируя детскую шалость, написал прелестные стихи...»⁹ Между тем Пушкин, как мы видели, первоначально вспоминал не «море пред грозюю», а «наклон гор».

М. Л. Гофман в 1919 г. высказал предположение, что набросок «За нею по наклону гор...» является «первой строфой» поэмы «Таврида» — и, соответственно, Пушкин в нем нашел форму, впоследствии примененную в «Онегине»¹⁰. Г. О. Винокур не согласился с этим предположением: «Допустим, что набросок <...> действительно представляет собой какой-то кусок поэмы, которую Пушкин задумывал

под заглавием „Таврида“. Это вовсе не бесспорно, но как допущение возможно. Но гораздо более спорным является желание видеть в этом наброске непременно начало, *первую* строфу „Тавриды“, и уже совсем непонятным является утверждение, будто данные стихи представляют собой вообще какую-то *строфу*. Легко убедиться, что это вовсе не строфа»¹¹.

Далее исследователь подверг сомнению отнесенность этого фрагмента к замыслу «Тавриды», а появление вариантов переработки ее в онегинскую строфу объяснил тем, что она «по происхождению является *вставной* строфой», появившейся в тексте первой главы летом—осенью 1824 г., когда Пушкин уже перебеливал главу: «Уже значительно позже окончания и переделки 1-й главы, во время работы над 3-й главой своего романа, Пушкин решает вставить в текст первой главы строфу, для которой хочет воспользоваться наброском „За нею по наклону гор...“, возникшим не менее двух лет назад. В тетради № 2366 (ПД 832. — В. К.), в близком соседстве с л. 12 об., где находился понадобившийся Пушкину набросок, Пушкин нашел чистую, незаписанную страницу — л. 16 об. <...> На этой свободной странице Пушкин и стал переделывать старый набросок, придавая ему форму онегинской строфы и превращая его в эпизод своего „романа в стихах“. Весьма вероятно, что именно в это время на лицевой стороне л. 12 появилась упомянутая запись метрической формулы онегинской строфы, оказавшаяся, таким образом, в совершенно случайном соседстве с заглавием не написанной и, может быть, только начатой поэмы „Таврида“»¹².

Б. В. Томашевский принял это объяснение, но уточнил, что переделанный в онегинскую строфу фрагмент «в апреле 1822 г. ни к какому замыслу не принадлежал. В нем описывается гурзуфский пейзаж. Следовательно, выводить его за пределы замысла „Тавриды“ мы не имеем оснований»¹³. Таким образом, была признана общая основательность рассуждений Г. О. Винокура о том, что формула онегинской строфы появилась возле заглавия «Таврида» задним числом, уже во время работы Пушкина над третьей главой «Онегина».

Между тем версия, изложенная Г. О. Винокуром, гипотетична и отнюдь не безусловна. Столь ли уж необходимой была строфа-воспоминание о некоей «южной» влюбленности поэта для романа в стихах? Пушкин прекрасно обошелся без нее и в черновой, и в первой белой редакции первой главы: строфа эта впервые появилась на сложенных листах письма к брату Льву из Одессы от 13 июня 1824 г. (см.: VI, 550; XIII, 446—447). Пушкин, как уже указывалось, записал ее в черновом автографе третьей главы, непосредственно перед письмом Татьяны, — и долго сомневался, куда же ее вставить. Эта строфа была нужна, скорее, как некое, биографическое и творческое, напоминание о чем-то важном...

С другой стороны, так ли уж необходимым для Пушкина было *записывать* формулу онегинской строфы летом 1824 г., во время работы

над третьей главой — когда уже *не менее сотни* подобных строф было им написано, когда эта строфа уже стала частью некоей «модели» романа в стихах и осознавалась его автором, так сказать, на «клеточном» уровне? Зачем бы он стал записывать эту формулу? На всякий случай — или, как уточнил Томашевский, «для облегчения переработки»? ¹⁴ Чтобы, не дай Бог, не «забыть»? Кажется, что и в этом случае хронология, представленная Г. О. Винокуром, что называется, «не сбавывает».

Черновик «Тавриды» свидетельствует об одном: о том, что формула онегинской строфы и заглавие задуманного произведения вписаны во Вторую кишиневскую тетрадь *не одновременно*. Не исключен, например, следующий вариант событий, предложенный С. А. Фомичевым. Пушкин, принявшись за новую поэму и написав для нее около сотни стихов, вдруг ощутил, что его поэма «расползается». Ведь «Таврида» не имела ни сюжета, ни фабулы, а заключала в себе одно развернутое *лирическое отступление* которое само по себе не могло долго удерживать внимания читателя. Поэт в какой-то момент решает изменить «конструкцию» поэмы, заключив повествование в жесткий строфический «каркас». И на л. 16 об. тетради набрасывает возможную строфу, взяв для нее основой первый записанный отрывок из замысла «Тавриды» (и переменяв, соответственно, «наклон гор» на «море пред грозю»).

В этом случае действительно получается, что «Ты помнишь море пред грозю...» была *первая* онегинская строфа в пушкинском творчестве: время ее создания — не позднее начала мая 1823 г. Первоначально Пушкин придумал эту строфу для поэмы «Таврида». Но впоследствии убедился, что она требует иного замысла. От найденной строфы и начал развиваться замысел «Онегина».

Это предположение многое объясняет: и то, что Пушкин столь упорно стремился ее напечатать, найти для нее место в своем романе, и то, что формула этой строфы появилась на титульном листе черновиков «Тавриды». И то обстоятельство, что черновая рукопись «Онегина» *сразу же, с самого начала* в мае 1823 г. стала создаваться в онегинских строфах: Пушкин уже опробовал эту форму.

Это же предположение придает абсолютную ясность одному из «темных» мест «Евгения Онегина», которое в этом случае абсолютно точно накладывается на творческую историю романа в стихах. Это строфы LIX—LX первой главы, в которых упоминается некая «поэма песен в двадцать пять» (в черновиках — «поэма песен в 35»: VI, 258) — то есть замысел некоей описательной поэмы, которую можно начинать писать только в спокойном душевном состоянии. Ср. в «программе» «Тавриды»: «Страсти мои утихают... и т. д.». В «Онегине»: «И скоро, скоро бури след / В душе моей совсем утихнет...»

Однако задуматься об этой «спокойной» поэме не позволяет новый замысел, который создает значительно быстрее:

Я думал уж о форме плана,
И как героя назову;
Покамест моего романа
Я кончил первую главу...

(VI, 30)

Как будет видно из дальнейшего, такое «соположение» «Тавриды» и «Онегина» отнюдь не противоречит хронологии работы над тем и другим произведением.

В одном из позднейших писем к крымскому знакомцу Н. Б. Голицыну (от 10 ноября 1836 г.) Пушкин написал о Крыме (Тавриде): «Там колыбель моего „Онегина“...» (XVI, 395). «Колыбель» в данном случае — ограниченное пространство, где развивается младенец; в определенном смысле она может быть сопоставлена с ограниченным пространством *строфы*, которое придается разветвленным рассуждениям.

Конечно, высказанные соображения — не более чем гипотеза. Но она имеет такое же право на существование, как и приведенная выше гипотеза Г. О. Винокура. В данном случае она предпочтительнее еще и потому, что позволяет несколько уточнить время работы Пушкина над «Тавридой».

Вспомним «хронологический вензель» на л. 12 об. Второй кишиневской тетради. Я. Л. Левкович увидела в нем отражение размышлений о другом пушкинском замысле — об автобиографических записках. Здесь, по мнению исследователя, отражаются следы переосмысления их «первоначального замысла»¹⁵. Вторая кишиневская тетрадь и была для поэта той самой «сбивчивой черновой тетрадь» (XIII, 225), из которой поэт в «михайловской ссылке» переписывал свои воспоминания (на это он указывал в первой половине сентября 1825 г. в письме к П. А. Катенину). В этой тетради Пушкин, в частности, вел так называемый кишиневский дневник.

Однако гораздо естественнее предположить, что этот «хронологический вензель» прямо относится к самой поэме «Таврида». Эта поэма, как указывалось, целиком построена на рецепциях и реминисценциях из лирики К. Н. Батюшкова¹⁶, — а вся лирика Батюшкова была не чем иным, как «историей моих страстей». Это Батюшков декларировал в обращении «К друзьям» — вводном стихотворении ко второму (стихотворному) тому «Опытов в стихах и прозе»:

Но дружество найдет мои, в замену, чувства,
Историю моих страстей,
Ума и сердца заблужденья,
Заботы, суеты, печали прежних дней
И легкокрылы наслажденья;
Как в жизни падал, как вставал,
Как вовсе умирал для света,
Как снова мой челнок фортуне поверял...¹⁷

«Программа» пушкинской «Тавриды» тоже начинается указанием на «страсти»: «Страсти мои утихают...». «История страстей» — равно как и внешняя история жизни человека — вполне поддается хронологическому «расчислению». И по верхнему полю Пушкин помещает даты, соответствующие его бытию (и его «страстям») до начала «южной ссылки»: на верхней строке — годы пребывания в Лицее (с 1811 по 1817), на следующей — четыре «петербургских» года (с 1818 по 1820). По левому полю варьируются даты «изгнания»: 1821 и особенно текущий 1822 год (он написан 11 раз!). «Прикидываются» и годы будущего изгнания: 23, 24, 1830, 31...

Судя по почерку и цвету чернил, этот лист поначалу только и был заполнен сверху и слева: вся остальная часть листа оставалась пустой. Дальнейшая работа над «Тавридой» идет на следующих (13—46) листах Второй кишиневской тетради — пока Пушкин не приходит к убеждению, что работа эта зашла в тупик... Именно в этот период он набрасывает формулу онегинской строфы и, как указание, что подобной строфой следует перестроить лирическое повествование, выносит эту формулу на «обложку». А на обороте листа пробует написать текст, который бы «уложился» в найденную строфу. Места для «проработки» этого текста Пушкину не хватает, и он переносит работу на л. 16 об. — ближайшие листы уже заполнены. Показательно, что на л. 16 об. он не «прописывает» до конца те финальные формулы, которые уже найдены и написаны на л. 12 об.:

Нет, никогда средь пылких дней
 Кипящей младости моей
 Я не желал с таким волньем
 Лобзать уста молодых Цирцей
 И перси полные томленьем.

Именно после этих «найденных» стихов на л. 12 об. стоят две новые даты: «1814» и «16 авг.». Указание на 1814 год понятно: именно в это время Пушкин ощутил присутствие самой сильной из «страстей», обуревающих «кипящую младость», — любовной страсти. Ей и посвящены эти заключительные строки. Ниже на том же листе поэт вновь прорабатывает начальные стихи отрывка «За нею по наклону гор...». Одновременно появляются даты: сначала как продолжение размышлений о любовной страсти — 1815, 1816, 1817, 1818, 1819. Чуть выше — снова 1822, 1823 (причем дата «1822» совершенно случайно оказывается в непосредственной близости с указанием на 16 апреля¹⁸). Появившиеся (в правом нижнем углу листа) даты 1830, 31 (впоследствии зачеркнутые) — это не что иное, как «проекция» развития тех же человеческих «страстей» на отдаленное и почти не представимое будущее, о котором сейчас трудно и бессмысленно рассуждать.

Но к какому же все-таки году относится помета «16 авг.»? Если принять ранее высказанную гипотезу о рождении онегинской строфы раньше, чем замысел «Онегина», то возможен лишь 1823 год¹⁹. В самом деле, дату рождения замысла романа в стихах Пушкин обозначил сам: 9 мая 1823 г. Первые строфы начали создаваться «28 мая ночью»

(помета в Первой масонской тетради: ПД 834, л.4 об.). Именно в апреле—мае Пушкин пришел к выводу о невозможности продолжения «крымской» поэмы в том виде, как она начата, и определил иную возможность: сатирический роман «в роде Дон-Жуана» (XIII, 73).

Б. В. Томашевский предложил локализовать замысел пушкинской поэмы годом раньше: временем между 16 апреля и концом мая 1822 г. «Конечная» дата исходит из того, что перебеленный текст отрывка «Ты сердцу непонятный мрак...» находится на первой странице Первой масонской тетради, «рядом со страницей, на которой имеется дата 27 мая 1822 г.»²⁰. Но эта дата находится не на какой-то «странице», а на внутренней стороне крышки переплета и означает не что иное, как дату получения (от Н. С. Алексеева) Первой масонской тетради. «Отрывок» записан на первой странице, и на той же странице находится перебеленный автограф стихотворения «Иностранке» («На языке, тебе невнятном...»), которое датируется не ранее второй половины 1822 г. (но никак не апрелем—маем). Между тем, как свидетельствует последнее описание Первой масонской тетради, «Отрывок» и «Иностранке» «писались одновременно»²¹. На обороте листа — вступление к поэме «Бахчисарайский фонтан», не вошедшее в окончательный текст («Исполню я твое желанье...»); оно тоже датируется не ранее первых месяцев 1823 г.

Текст начала «Тавриды», с учетом высказанной выше гипотезы, мог быть перебелен Пушкиным как раз с целью «выстроить» его той строфой, которая была придумана, — это должно было случиться не ранее 16 апреля 1823 г., но не позднее конца мая. Текст перебеленных отрывков на первой странице ПД 834 разбит на куски (по 12—16 стихов): вероятно, Пушкин собирался выстроить из них онегинские строфы и убедился в нецелесообразности этого. Возможно, что подобная работа над поэмой продолжалась в тетради ПД 834 и далее: после л. 1 из тетради вырвано значительное количество (Я. Л. Левкович насчитывает до 29²²) листов (от некоторых вырванных листов сохранились корешки с текстами из поэмы «Бахчисарайский фонтан»).

Представляется поэтому, что работа над поэмой «Таврида» шла у Пушкина несколько позднее того времени, которым локализует ее Б. В. Томашевский. Замысел этот оказался связан со ставшими известными поэту неожиданными обстоятельствами в жизни К. Н. Батюшкова. Еще в период жизни в Италии и Германии (1821—начало 1822 г.) у Батюшкова стали проявляться первые признаки душевного расстройства. Весной 1822 г. он приехал в Петербург и подал просьбу разрешить поездку на Кавказ и в Крым для лечения. На Кавказе (в Пятигорске) появились новые признаки душевной болезни, — Батюшков переехал в Крым (в Симферополь). Там эти признаки усилились. До Пушкина слухи о сумасшествии его поэтического «учителя» дошли в июле 1822 г. Он тяжело переживал случившееся; ср. высказывание в письме к брату от 21 июля 1822: «Мне писали, что Батюшков помещался: быть нельзя; уничтожь это вранье» (XIII, 42). Он активно интересуется новыми произведениями Батюшкова, переписывает его стихи

«Подражание Ариосту», «К NN», «Элегия» («Есть наслаждение и в дикости лесов...»). У него, наконец, в этот период находится стихотворный том «Опытов...» Батюшкова, в котором он делает свои пометы²³.

Именно в этот период — осенью 1822 г., когда Пушкин узнает о том, что былой «певец Пенатов и Тавриды» (XI, 186) находится в Крыму в самом тягостном душевном положении, и возникает замысел поэмы «Таврида» — возникает как дань памяти Батюшкову. Замысел этот поначалу представляется Пушкину перспективным — как возможность преодолеть влияние Байрона. Но оказывается «тупиковым». И тем не менее, волнует его, по крайней мере, до весны 1823 г., до тех пор, пока из него не вырастает замысел «Онегина»...

Таким образом, к интересующим нас страницам Второй кишиневской тетради с черновым автографом поэмы «Таврида» Пушкин обращался, по крайней мере, трижды:

— весной—летом 1822 г., когда записывал фрагменты поэмы и обдумывал замысел;

— в апреле 1823 г., когда пытался заключить написанные стихи поэмы в пределы устойчивой структуры — онегинской строфы;

— в мае—июне 1824 г., когда выводил строфу «Тавриды» из состава поэмы и включал ее в первую главу «Онегина».

Примечания

¹ Русская старина. 1884. № 5. С. 331—332.

² Рабочие тетради Пушкина имеют три пагинации: «жандармскую» (номера листов проставлены жандармами во время «посмертного обыска» у Пушкина в 1837 г.), «опекунскую» (номера листов проставлены опекунами) и позднейшую архивную. В настоящее время в пушкиноведении принята архивная пагинация. Поскольку Б. В. Томашевский и Г. О. Винокур использовали «жандармскую» пагинацию, мы в ряде случаев унифицируем их отсылки, приводя в цитатах (без специальных оговорок) архивную пагинацию, принятую ныне.

³ Томашевский Б. В. «Таврида» Пушкина // Учен. зап. / ЛГУ им. А. А. Жданова. Серия филол. наук. Вып. 16. Л., 1949. С. 105.

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1956. Т. 2. С. 110—113.

⁵ Фомичев С. Д. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 832: (Из текстологических наблюдений) // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 12. Л., 1988. С. 224—242.

⁶ Возврати мне мою юность (нем.).

⁷ Строфа, состоящая из четверостишия перекрестного, четверостишия со смежной рифмовкой, четверостишия охватного и двустишия (франц.).

⁸ Томашевский Б. В. Строфика Пушкина // Томашевский Б. В. Пушкин: Работы разных лет. М., 1990. С. 362.

⁹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 216—217.

¹⁰ См. предисловие в кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. Пг., 1919. С. 10—41.

¹¹ Винокур Г. О. Слово и стих в «Евгении Онегине» // Пушкин: Сб. статей. — Труды МИФЛИ им. Н. Г. Чернышевского. М., 1941. С. 156.

¹² Там же. С. 158—159.

¹³ Томашевский Б. В. «Таврида» Пушкина. С. 105.

¹⁴ Томашевский Б. В. Строфика Пушкина. С. 362.

¹⁵ Левкович Я. Л. Пушкин в работе над «Записками» // Русская литература. 1982. № 2. С. 142—143.

¹⁶ См.: Кошелев В. А. «Таврида» Пушкина и «Таврида» Батюшкова // Пушкин и Крым: Тез. докл. науч. конференции Симферополь, 1989. С. 53—55.

¹⁷ Батюшков К. Н. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 164.

¹⁸ См.: Фомичев С. И. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 832... С. 227, 229.

¹⁹ В последнее время С. А. Фомичев, без какой-либо аргументации, предположил, что «16 авг.» относится к «1824 (?)» году (Пушкин А. С. Рабочие тетради: [В 8 т.]. СПб.; Лондон, 1999. Т. 1. С. 81).

²⁰ Томашевский Б. В. «Таврида» Пушкина. С. 107.

²¹ Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 834: (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 15. СПб., 1995. С. 203.

²² Там же.

²³ См.: Кошелев В. А. В предчувствии Пушкина: К. Н. Батюшков в русской словесности начала XIX века. Псков, 1995. С. 97—101.

Л. А. Орехова

(Симферополь, Украина)

КРЫМ 1820 ГОДА. СЦЕНЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Представляем фрагмент архивных разысканий о жизни Таврической губернии в год посещения ее А. С. Пушкиным. Архивные документы красноречиво и убедительно характеризуют эпоху. Встретившееся нам в Крымском государственном архиве дело о скандале в Алешковском уездном училище не могло не поразить колоритностью сцен, а главное — это не выдуманная история, которая, собственно, ничего не значит в сравнении с историческими катаклизмами двух столетий. И все же стало жаль, что никто никогда не узнает имен уездных учителей из забытого миром Алешек. Люди жили своими заботами, переносили невзгоды, болезни, разочарования. Они были современниками и ровесниками Пушкина, а вся их жизнь — пушкинская современность. Одна деталь: история, о которой мы сейчас расскажем, произошла в 1819 г., т. е. за год до приезда А. С. Пушкина в Крым. А что могло измениться к 1820-му?

Итак, Алешки 1819 года...

«От Херсона до Перекопа ведут две почтовые дороги: одна через Берислав, другая через Алешки. Последняя сокращает 30 верст, но имеет станцию, полную песка <...>. Алешки, входя в состав Таврической губернии, являются центром Днепровского уезда. Это место славится своей почвой, на которой хорошо растут овощи, особенно арбузы необыкновенной величины»¹.

В 1820 г., когда Пушкин путешествовал по Крыму, Таврическая губерния имела гимназию (с 1812 г.) и уездное училище (с 1809 г.) в Симферополе, уездные училища в Феодосии (с 1811 г.), Орехове и Алешках (с 1812 г.), Евпатории (с 1815 г.). Директором училищ губернии был 53-летний Федор Петрович Заставский, из духовного звания,

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ФОНД РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ГУМАНИТАРНЫХ СВЯЗЕЙ
«МОСКВА—КРЫМ»

ПУШКИН И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Материалы шестой Международной конференции

Крым, 27 мая—1 июня 2002 г.

Санкт-Петербург,
Симферополь,
2003